

Сукиасян Самвел Грантович,
доктор медицинских наук, профессор, руководитель отделения реабили-
тации психического здоровья «Стресс» медицинского реабилитац-
ионного центра «Артмед», г. Ереван, Армения
samsu57@yahoo.com

Суть и природа человека: эволюция *Homo sapiens*

Аннотация. В настоящем исследовании представлены исторические и современные подходы к исследованию природы и сути человека, которые включают комплекс психологических, этологических, социологических и биологических подходов. Целью настоящего обзора являются разработка методологических приемов и создание теоретических предпосылок концепции происхождения психики, которая будет изложена в следующих статьях. Представлены обзор наиболее важных подходов, как исторических, так и современных, а также анализ инстинктивистских, поведенческих, биосоциальных теорий о природе человека. Развивается идея, что природа человека неоднородна. Эволюция живой природы подготовила феномен человека и сама включилась в процесс развития человеческой жизни. Динамический системный подход позволяет представить эволюцию человека в аспекте его психического развития, который представляется как непрерывный и взаимообусловленный процесс самоорганизации. Предполагается, что поведение и развитие человека есть результат функционирования сложных систем, которые включают психологические, биологические и физиологические компоненты, в которых действуют взаимоотношения нелинейного характера. Современный человек – это конечный результат длинной эволюционной неоднородной цепочки.

Ключевые слова: природа человека, биосоциальная природа человека, инстинктивизм, бихевиоризм, агрессивное поведение, философские представления о природе человека, мифологические представления о природе человека, системный подход к природе человека, античный подход, средневековый подход.

Раздел: (02) комплексное изучение человека; психология; социальные проблемы медицины и экологии человека.

Бытует мнение, что природа человека такова, как и природа животных. Но в социальной, человеческой среде возникают проблемы, которые свалились на человечество в ходе развития сознания, формирования абстрактного мышления, в ходе его социализации. Эти проблемы, названные Лоренцом проблемами Беды, имеют три основных источника: создание оружия, внутривидовой отбор и головокружительный темп развития.

Вряд ли кто будет отрицать, что человек многообразен в своих проявлениях и сути. Это первый постулат, из которого мы исходим в данной работе. И второй – в человеке много, очень много от животного, и в первую очередь – агрессивность. Я думаю, что именно этот второй постулат найдет многих сторонников и, пожалуй, больше оппонентов и противников.

Природа человека всегда интересовала мыслителей и продолжает интересоваться до сих пор. Какова она? Что лежит в его основе? Китайский философ Мен-цзы считал, что человек изначально имеет «добрую» природу и зло он творит исключительно под принуждением. Другой мыслитель, Сюнь-цзы (также китайский), придерживается противоположной точки зрения – «человек имеет злую природу». Кто же прав?

Начиная с древнегреческих философов, принято считать, что в человеке *есть нечто такое*, что составляет его сущность. Это «нечто» называется «человеческой природой». Этой природой человек и пытается объяснить всю свою деятельность: оправдать и объяснить ложь и подлость, алчность и мошенничество, насилие и зло. Специфичность «человеческой природы» объясняется анатомо-физиологическим строением человека и имеет свою психическую и физическую неповторимость. Наиболее глубокие корни человеческой сути раскрываются сложным комплексом психологии, этологии, социологии и биологии.

В сопоставлении концепций З. Фрейда и В. Франкла, на наш взгляд, полностью проявляется точка зрения на человека как биосоциальное существо. С одной стороны, доминанта животных инстинктов, диктат подсознательного, с другой – основанная на огромном личном опыте вера в социальную сущность человека. Первоначально З. Фрейд практически игнорировал феномен человеческой агрессивности, предполагая, что половой инстинкт и инстинкт самосохранения являются доминирующими силами в человеческой природе. Однако вскоре ему пришлось отказаться от своих же представлений, выдвинув в качестве основной дихотомии пару «Эрос – Танатос» (влечение к жизни и влечение к смерти). Инстинкт смерти всегда направлен против всего живого – себя самого и других. Иногда он связан с сексуальным инстинктом и выражается в форме садизма или мазохизма. Основная теоретическая позиция З. Фрейда исходит из того, что человек одержим одной страстью – страстью разрушать всех и вся, и этой драматической альтернативы ему вряд ли когда-либо удастся избежать. Иными словами, З. Фрейд исходил из того, что агрессивность является не реакцией человека на какие-либо внешние или внутренние раздражители, а неким постоянно присутствующим в организме импульсом, обусловленным самой природой человека, его конституцией.

В. Франкл [1] развивает мысль, что, несмотря на веру в человеческий потенциал человека, все же человеческие люди являются и, возможно, всегда будут оставаться меньшинством. Каждый человек стремится присоединиться к этому меньшинству, чтобы стать лучше. Ведь то, что встречается редко, что является дефицитом, более желанно. И человеку надо прилагать активные усилия на пути к росту и совершенству. На наш взгляд, будучи правыми в своей изначальной позиции, и тот и другой ошибаются в одном. Почему-то каждый из них рассматривает человека каким-то усредненным существом, причем неважно, биологическим или социальным. При этом несколько не допуская и не предполагая, что человек может быть неоднородным в зависимости от соотношения этих двух начал в нем.

С Виктором Франклом можно согласиться частично. И вот почему. Безусловно, человеческое в человеке имеется в каждом из нас, поскольку все мы относимся к данному роду; каждый из нас есть продукт человеческой среды, конечно, не исключая биологическую природу человека. Но ждать, пока оно станет больше в каждом из нас в отдельности и тем самым дела наши пойдут хорошо, по меньшей мере наивно, поскольку селекция *Homo sapiens* шла в направлении культивирования «покорного большинства», довольного тем, что удовлетворяет свои биологические и социальные потребности (в меру развития того общества, в котором обитает этот каждый). Другое дело, что надо не надеяться на увеличение человеческого потенциала, а разграничивать людей, по крайней мере, «человеческих» и «не очень». Иными словами, есть просто люди, в которых зло пассивно-деструктивного характера оказывается сильнее и предпочтительнее добра, и люди, у которых конструктивное начало (морально-нравственное, творческое, созидательное) доминирует над злом. С Франклом можно соглашаться или нет, но его можно понять, учитывая биографию великого ученого.

Критикуя инстинктивистские и бихевиористские теории агрессивной сущности человека, Э. Фромм приходит к заключению, что «агрессивное поведение людей, проявляющееся в войнах, преступлениях, личной драчливости и прочих типах деструктивного и садистского поведения, имеет филогенетические корни. Оно запрограммировано в человеке, связано с врожденным инстинктом, который ждет своего места и часа и использует любой повод для своего выражения» [2]. Э. Фромм противопоставляет две теории – инстинктивизм К. Лоренца и бихевиоризм. Инстинктивизм К. Лоренца [3], соединив два положения о врожденной и реактивной природе агрессивности, не видит в человеке человеческое и сводит все к его животной сущности, игнорируя все социальное в человеке, то есть имеет место чистая анимализация человека. Бихевиоризм интересуется и подчеркивает в человеке только поведение и социальные стимулы; он не видит в человеке души. Не человек, проявляющий себя в том или ином поведении, а поведение само по себе. З. Фрейд [4] рассматривал агрессивность как одну из составляющих сексуального инстинкта. Затем он высказал предположение, что, являясь составной частью сексуального инстинкта, деструктивность проявляется еще и как независимая от сексуальности сила. Ее источник – инстинкты Я. Иными словами, в основе этого второго типа агрессивности З. Фрейд видит ненависть, то есть отражение внешнего мира нарциссической сущности человека. Здесь Фрейд противоречив. Он то ругает религию, называя ее иллюзией, то цитирует одну из заповедей Христа («Возлюби ближнего своего, как самого себя»). Но как это осуществить? Как полюбить другого? За что полюбить? За то, что он мне близок и дорог? За то, что он мил и нежен, красив и приятен? А может, за то, что он похож на меня? Значит, я люблю в нем себя?! Значит, любовь – это нарциссизм! Это продолжение себя в другом! Но ведь в другом – это уже не во мне! Значит, лишь за то, что и он дитя природы (Бога)! Но сколько же таких детей! Разве на всех хватит любви? Разве всех полюбишь?

Но и в этом случае биография исследователя (скорее, патография) сыграла свою роль. Личная жизнь З. Фрейда, который после сорока лет практически ежедневно стал думать о том, как он будет умирать, подвела его к мысли о том, что в центре человеческого существования находится конфликт между жизнью и смертью. Он утешал себя мыслью, что «смерть – сокровенная цель жизни». Этот конфликт есть естественное развитие, изначально заложенное в основу всего живого. Любое движение имеет начало, которое приводит к концу, к остановке. Но конец одного процесса есть начало другого. И так до бесконечности! Все живое – от одноклеточного организма до человека, от простейших растений до приматов, от бактерий до любых макроорганизмов – это «движение к смерти» буквально с момента рождения.

З. Фрейд считает, что человек одержим одной лишь страстью – жадой разрушать либо себя, либо других людей, и эта страсть фатальна. Эта гипотеза предполагает, что агрессивность является не реакцией на раздражение, а неким постоянным импульсом, обусловленным самой природой человека. Танатос – это биологическая сила, действующая в любом живом организме и заставляющая организм совершать действия, направленные либо на саморазрушение, либо на разрушение других особей. Но это не так на практике. С явно гипертрофированной точки зрения З. Фрейда, сексуальные потребности (а также голод) составляют сравнительно большую долю среди всех мотивов поведения человека. Это и есть суть человека, по крайней мере, части человечества.

С точки зрения Э. Фромма [5], стержнем мотивационной сферы человека также являются страсти, но уже такие, как потребность в любви, нежности и солидарности, в свободе и правде, в сохранении чести и совести. Человеком владеют такие страсти,

как жажда власти, подчинения и разрушения, а также нарциссизм, жадность, зависть и тщеславие. Эти страсти влекут человека по жизни.

Конрад Лоренц [6] видит в человеке исключительно животную сущность и инстинкты. На основе исследования такого феномена, как агрессивность, он считает, что она представляет собой собственное внутреннее напряжение, которое требует разрядки и находит выражение, невзирая на наличие или отсутствие раздражителя. Согласно теории Лоренца, внутривидовая агрессия является функцией, которая служит выживанию самого вида. Он исходит из того, что все живые существа наделены врожденной агрессивностью, которая ведает и движет естественной борьбой за выживание, в которой оборонительная, защитная агрессивность не спонтанна и не постоянна, а представляет собой реакцию на угрозу витальным интересам. Агрессивность играет именно роль распределения отдельных представителей одного вида на соответствующем жизненном пространстве. Она обеспечивает селекцию «лучших производителей», что предполагает и устанавливает определенную социальную иерархию. Безусловно, между человеком и животными есть определенное сходство, но есть и существенные различия. Это обстоятельство позволяет исследователям в определенных вопросах проводить аналогии, в других – нет.

Теория К. Лоренца помогает объяснить деструктивные импульсы человека, объединенные в понятие «агрессия». Опираясь на естественноисторический метод в изучении агрессивного поведения животных, он пришел к неоднозначным выводам: 1) животный мир имеет определенную социальную организацию; 2) агрессивное поведение является конечным продуктом в длинной цепи внутренней мотивационной системы напряженности (фрустрации), а также конфликта различных мотивов, находящих свое выражение в агрессии; 3) эмоции и поступки людей являются филогенетически измененной программой на генетическом уровне, то есть это отголоски идущих из глубины веков, от наших предков биологических механизмов, основной из которых – это инстинкт борьбы за существование. Не только эмоции и поступки, а вся психика человека есть эволюционный продукт, аккумулирующий в себе потенциал наших предков.

Природа *создает, никогда не нарушая собственных законов*. Чего не скажешь о человеке. Все живое на нашей планете развивалось и формировалось в условиях естественной борьбы за существование в условиях конкуренции между ближайшими родственниками. Борьба же между представителями разных видов, в частности между «хищниками и их жертвами», никогда не приводит к полному уничтожению жертвы; между ними всегда устанавливается некоторое равновесие, выгодное для обоих. Если кто непосредственно и угрожает существованию вида, то это не «пожиратель», а конкурент из того же вида. Столкновение между хищником и жертвой вообще не является борьбой как таковой. Внутривидовую агрессию К. Лоренц считает наиболее серьезной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития. Отбор «пропускает второсортную конструкцию <...> он сам, заблудившись, заходит в гибельный тупик» [7]. Это всегда происходит в тех случаях, когда отбор направляется одной лишь конкуренцией сородичей, без связи с вневидовым окружением.

Гениально! Человеку больше не с кем конкурировать, кроме как с собой. Вот и «поедает» себе подобных! К. Лоренц вспоминает шутку своего учителя О. Хейнрота: «После крыльев фазана – аргуса, темп работы людей западной цивилизации – глупейший продукт внутривидового отбора». С нашей точки зрения, эта шутка звучит очень серьезно. Действительно, нельзя не замечать, что современное индустриальное общество ведет к регрессу человека. Оно (общество) представляет собой ярчайший пример иррациональ-

ного развития, навязанного, к тому же, в качестве примера подражания многим развивающимся странам и народам. Развитие происходит исключительно за счет конкуренции между собратьями по виду. Механизм внутривидового отбора, движущими факторами которого стали конкуренция, противостояние, война, которую вели друг с другом соседствующие племена, был включен, как только человек достиг социальной организованности и защищенности от внешних опасностей, таких как голод, холод, дикие звери. Агрессивное поведение современного человека перерастает в нелепый гротеск. Причем эта агрессивность, как злое наследство, сидит в крови у людей.

Агрессивное поведение животных выполняет три функции: распределение по жизненному пространству, отбор в поединках, защита потомства. Агрессивность же человека выполняет только первую функцию – распределение по жизненному пространству, хотя оно у одних и без того достаточно. Отбор в поединках не всегда приводит к победе сильного, все чаще выживают и слабые. Потомство же человека в подобной защите не нуждается; и в результате агрессии, как отметил выше, не всегда «отбираются» сильнейшие.

Все представления о возникновении природы, жизни, человека и общества имели мифологические и религиозные корни. Более примитивные представления первобытного, родового общества впоследствии переросли в более развитые и развернутые, религиозно окрашенные и религиозно подпитанные воззрения ранних классовых обществ. У всех древних народов (и существующих ныне, и вымерших) – египтян, шумеров, хеттов, ассирийцев, китайцев, индусов, евреев, греков, армян и других – вся человеческая деятельность регулировалась и декларировалась или богами, или их ставленниками. Иными словами, человеческая природа древними понималась как предопределенная свыше, а именно Богом. В «Законах Ману» (древнеиндийском своде законов) сказано очень четко и ясно: «Какое качество он установил для каждого при сотворении – злобность или безвредность, мягкость или жестокость, дхарму или адхарму (права или не права), правду или ложь, – то само по себе проникло в него». В том же своде законов диалектически представляется концепция «дхармы», отражающая ее изменчивость во времени, то есть от одной эпохи к другой, от одних нравственных устоев к другим и т. д. Сегодня, когда намечается некоторое сближение между наукой и религией, эти идеи древних, зафиксированные во многих религиозных писаниях, стали приобретать новый смысл, стали источником новых исследований [8].

Мифологические представления о природе человека, о человеческих взаимоотношениях и общественном строительстве достигли особого расцвета у древних греков. В учении Демокрита о нравственном и порочном подчеркивается важность соотношения естественного и искусственного [9]. Под «естественным» Демокрит понимал то, что существует по природе, по правде, в реальности, противопоставляя естественному искусственное. Иными словами, большинство людей способно познать и понять лишь только «общее мнение», «темное» чувственное познание, в то время как познание природы (то есть познание естественного) дано только избранным людям, мудрецам. Тем самым он предполагал, что искусственное есть изобретение людей. Есть законы (причем «дурное изобретение»), над которыми могут встать только мудрецы, живущие свободно. Выше закона Демокрит ставил только добродетель (делание добра), считая, что «тот, кто воспитывает в добродетели убеждением и доводами рассудка, окажется лучше, чем тот, кто применяет закон и принуждение. Ибо тот, кто воздерживается от несправедливости, только подчиняясь закону, будет, вероятно, грешить втайне; тот же, кого побуждают поступать должным образом его убеждения, вряд ли станет делать что-нибудь неподобающее, все равно тайно или явно», то есть

Демокрит считает добродетель внутренним влечением. Говоря современным языком, это есть проблема его совести – может ли человек поступить так, как должен, или так, как хочет, или так, как нужно. Уже в этой тритомии Демокрита мне видится первое понимание неоднородности человеческого рода.

С точки зрения стоиков, человеческая природа является частью общей природы. Поэтому высшая цель – это жить в согласии с природой, не делать ничего такого, что запрещается общими законами, а именно правильным разумом. Из этого надо исходить во всем.

Армянский мыслитель V в. Езник Кохбаци, назвавший свой главный труд «Книгой опровержений (о добре и зле)», подчеркивал значимость философской проблемы добра и зла [10]. Оставаясь в рамках христианских учений, Кохбаци считал, что все прекрасное и доброе в мире сотворено богом, который выступает как доброе начало. Он полагал, что творцом прекрасного может быть только доброе начало. Однако если в боге красота и добро неотделимы и в какой-то степени тождественны, то совсем иное соотношение между ними в мире чувственных, конкретных явлений действительности. Добро и зло воздаются человеку в соответствии с мерой его добродетели и поэтому зависят от характера его действий в различных жизненных обстоятельствах. Прекрасное же, по Кохбаци, даруется богом изначально.

В проблемах понимания психологической сути человека Средневековые практически ничего позитивного не дали. В ту эпоху все всецело находилось под влиянием христианской религии, которая не позволяла углубляться в чем бы то ни было дальше церковных догм. Любое не «богоугодное» учение церковь объявляла ересью и их создателей и последователей подвергала нечеловеческим гонениям. Однако, несмотря на это, были достойные учения и разработки, внесшие свой вклад в развитие учения о Человеке. И среди них в первую очередь взгляды Фомы Аквинского [11].

Он исходил из того, что люди могут быть как добрыми и совершенными, так и злыми и порочными, и подчеркивал, что общество и закон должны воспринимать людей такими, какими они есть в действительности – со всеми их слабостями, недостатками и достоинствами. В своем учении о законах Ф. Аквинский выделял четыре типа: вечный, естественный, человеческий и божественный. Человеческий закон, в его понимании, есть положительный закон, который предусматривает и предполагает принуждение против него самого (человека). «Добродетельным и совершенным людям» этот закон совершенно не нужен, поскольку в своей жизни они ориентируются на естественные законы. Так же считал и Демокрит. В то же время порочные люди должны постоянно жить под страхом наказания и принуждения, которые развивают в людях их врожденные естественные свойства, приучают их к соблюдению социальных норм и установок, и тем самым постепенно преодолевать в себе порочные привычки. Хотя вряд ли история человечества может дать нам хотя бы один пример подобного перевоспитания порочного по сути человека. Фактически Ф. Аквинский вслед за Демокритом косвенно говорит о неоднородности человеческого рода: не общество и закон воспринимают людей в их реальной сущности, а люди, в сущности, есть такие разные, живущие по тем или иным законам.

В ходе развития взглядов на сущность человека, в поисках разумных форм человеческих взаимоотношений, в процессе высвобождения личности из коллектива мыслители последующих эпох больше опирались и исходили из философии античного периода, нежели периода темного Средневековья, причиной чего являлись достижения естествознания. Отвергая чисто теологические установки (божественный закон) Ф. Аквинского, Ф. Бекон [12] в качестве основного источника несправедливости челове-

ской жизни выделял насилие (как таковое), коварство (прикрывающееся именем закона) и жестокость (самого закона). Он рассматривал общество и человека как естественный процесс, а законы человеческого общежития выводил из разума и опыта, то есть Ф. Бекон рассматривал человека как биосоциальное существо.

С нашей точки зрения, для понимания сущности человека интересна концепция Т. Гоббса [13] о праве и социальных нормах. Гоббс считал, что равенство людей по природе предполагает их *равные возможности вредить друг другу*. Так же как и Ф. Бекон, он видел в человеке три основные причины вражды (агрессивности): соперничество, недоверие, тщеславие. Поэтому Гоббс считал естественным состояние всеобщей непрекращающейся войны «всех против всех» до тех пор, пока люди живут без общей власти, держащей их в страхе. Но в этой борьбе «всех против всех» каждый человек имеет право защищать и отстаивать свое естественное право на жизнь, свободу и имущество. «Свобода людей, – пишет Дж. Локк [14], – это свобода следовать... собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной, самовластной воли другого человека». Он считает, что «благожелательность, изначально заложенная в человеке природой, обеспечивает нравственные мотивы поведения и ведет к разумному отношению с ближними и созданию добра вокруг себя». И в таком предположении он не одинок.

Если бы так! Как скажет потом один из классиков марксизма, «нельзя жить в обществе и быть независимым от него!». Ни одно общество еще не придумало такой строгости закон, который бы ликвидировал посягательства одного человека на другого. И все дело не только в социальной регламентации взаимоотношений людей, но и в биологической сущности человека, которая не поддается контролю со стороны общества. Как существо биологическое, природное человек, безусловно, подчиняется естественным законам (по Ф. Аквинскому). Но, будучи одновременно существом социальным, иными словами, существом разумным и действующим (*Homo sapiens* и *Homo faber*), он постоянно нарушает законы естественного развития. С точки зрения Ш. Монтескье [15], это происходит в силу ограниченности человеческого разума, а также подверженности разума влиянию страстей, эмоций и заблуждений, которые и являются основной причиной социальных девиаций.

Другой мыслитель позднего Средневековья Жан-Жак Руссо [16] причины социальных пороков видел в распаде «первобытного коммунизма», в появлении частной собственности, классов, в углублении неравенства людей. Бесспорно значение общественных отношений в появлении многих человеческих пороков. Признавая это, нельзя, с другой стороны, игнорировать значение природных, естественных корней человека, что совершал именно Руссо, подчеркивая, что «мудростью закона, а не суровостью их исполнителей» можно преодолеть все негативные явления общественной жизни.

Человеческий ум склонен к построению различных конструкций и обобщений, порой совершенно нелепых и абсурдных, граничащих с безумием и гениальностью. Высказывая правильные по сути истины о роли и значении просвещения в развитии человеческой цивилизации, эти авторы наивно ошибались в том, что просвещенность некоторой незначительной части населения переносили на все человечество и приходили к утопическим абсурдам. Делая ставку на просвещенность, надлежащее воспитание, образование, на создание «умных законов», французские просветители XVIII в. К. Гельвеций [17], Д. Дидро [18], Ж. Ж. Руссо [19] считали, что «умелым правлением человеческими страстями и интересами» можно предотвратить социальные отклонения – зло и бедствие.

Причиной порождения зла в человеке К. Гельвеций считал невежество [20]. Отсюда и его гипертрофированное отношение к воспитанию и просвещению. Возникает логический вопрос: только ли невежество и непросвещенность являются источником зла в каждом человеке и обществе в целом? Вся история цивилизованного человечества свидетельствует как раз об обратном. Почему-то все возрастающие просвещенность и образованность целых народов и стран никак не сказываются на уменьшении агрессивности и зла в человеке, не уменьшают антропогенные бедствия и не предотвращают естественные катастрофы. Более того, зло приобретает более изощренный, так сказать, интеллектуализированный характер, и все чаще совершают его образованные люди. Французские просветители, в отличие от современных бихевиористов, говорили не о социальной инженерии, не о «формировании и создании» сознания, а о социально-политических изменениях самого общества: они верили, что «хорошее общество» должно создать условия для формирования «хорошего человека». Адекватнее всех выразился французский социал-утопист Фурье, который, критикуя все предыдущие эпохи и общества, отметил, что человечество до сих пор не уяснило для себя значение «божественно предустановленного социального кодекса». Основным смысл этого кодекса – признание природных свойств и страстей человека в качестве двигателя социального процесса от беспорядка к гармонии [21].

Свое этическое кредо Дидро изложил в 4 нравственных принципах, отрицающих существование Бога: 1) себялюбие – основа действий; 2) нравственные решения автономны (по отношению к Божеству) и неподотчетны (Божеству); 3) нравственное значение действий обусловлено не их причинами, а их результатами; 4) человек полностью ответствен за собственную жизнь [22].

Развитие человека в «общественное животное» и создание человеческого общества ставили актуальность морально-нравственных категорий добра и зла, что порождало конфликт между отдельными институтами этого общества – прослойками, группами, силами, что способствует возникновению «классовых» конфликтов. Именно эти конфликты обуславливают характер социальных ценностей, норм, установок, природу их отклонений и т. д. Иначе говоря, историческое развитие человеческого общества (человеческой среды) создает определенные соционормативные акты, которые постоянно нарушаются (в виде непослушания, грабежей, насилия, войн и т. д.). Вся история человечества от первобытного стада до эпохи развитого социализма, который мы уже пережили однажды, есть история насилий и грабежа, крови и грязи, больших и малых войн. Безусловно, каждая эпоха привнесла свой вклад в понимание природы и сути человека. Безусловно и то, что каждое понимание ставило больше вопросов, чем находило ответов на них. Но, с нашей точки зрения, XX век, с его бесконечными достижениями и завоеваниями, и многообещающий XXI век привели к пониманию того, что объяснить и понять суть человека с какой-либо одной позиции, одной, даже самой что ни есть фундаментальной, невозможно – будь то материалистическая теория или идеалистическая, биологическая трактовка человека или социологическая. Можно забежать вперед, можно отставать, можно ошибаться и заблуждаться – все это заложено в психологическую природу человека. Но главное заключается в том, какова дистанция отрыва от действительности. И в наше время дистанция эта неуклонно сокращается. Но, как говорил поэт, «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...».

Важно не забывать, что человек – это животное, хотя и особое. Его место в природе определяется не тем, что его роднит с животными, а тем, что его делает человеком, оставляя в то же время животным. Основополагающими признаками человека

G. G. Simpson считал такие черты, как разумность, гибкость мысли, способность к проявлению индивидуальности, а также «социальность» [23, 24]. Автор определяет человека как примата, который начинает свое развитие в тот момент эволюции, когда инстинктивная детерминация становится минимальной, а развитие мозга достигает максимального уровня. С этого момента Разум стал вести человека по жизни. Но разум всегда оказывался под воздействием и давлением инстинктов и желаний, влечений и страсти. И как ни парадоксально, Разум не только не заменил инстинкты, но и здорово осложнил жизнь человеку. «Благодаря» разуму человек как часть природы стал противостоять ей, чувствовать себя неуютно в природе. Разум, сознание, рассудок разрушили гармонию естественного существования, которая свойственна всем животным [25]. Во все времена, начиная с доисторических и кончая современностью, человеческое бытие сопровождалось ситуациями, переполненными угрозой жизни или здоровью, угрозой себе или своим близким, угрозой собственности или достоинству и чести. Как он их преодолевает? Естественно, так, как и все живые существа, но в соответствии с тем отличием, которое заложено в человеке. Что же отличает человека от животных?

Природа человека всегда проявляется в экстремальных ситуациях и в патологии. Именно в таких ситуациях человек проявляет такие формы поведения, которые в повседневной жизни как будто бы не свойственны ему. В повседневной мирной жизни человек больше проявляет себя как закаменелый эгоист, увлеченный только собой и/или своими близкими. Он не станет рисковать собой ради других или делиться с ними куском хлеба. Но в условиях экстремальности он проявляет эти качества в полной мере. Как писал В. Франкл, человеческое в человеке проявляется в крайностях [26]. Еще французские утописты объясняли этот феномен просвещенностью человека. Но к пониманию действительности, как отмечается в материалах одного из круглых столов, организованных «Психологическим журналом» в 1990 г., исторически сложились два подхода. Один подход основан на прямом превосходстве; он прост, понятен, опирается на прошлое, жестокое, но впечатляющее, черпает силу в традиции, которая выступает как эффективный заменитель смысла. Другой первоначально представляется достоянием меньшинства и распространяется лишь со временем; он силен критическим анализом фактов, требует понимания аргументов, выдвижение перспектив, сравнивает настоящее не с прошлым, а с будущим. Первый ориентирован на прямое действие, второй – на оценку реального направления, по которому могут пойти события, и соответствующую ориентацию деятельности. Следовательно, действовать можно с позиции силы и с позиции смысла. Соответственно, и понимать, и действовать можно по-разному. В соответствии с теми данностями, которые заложены и развиты, каждый из нас делает свой выбор!

Следует ли отсюда, что результаты процесса понимания, его итоги подлежат оценке исключительно с позиции дихотомии «истинно – ложно»? К сожалению, вся история человечества этому нас и учит. Мы привыкли именно к такой оценке. Подобного рода подход имеет глубокие исторические корни и широко распространен. Но покоится он на весьма шатких основаниях, поскольку понимание есть в той или иной мере процесс творческий, а значит, и индивидуальный. Ведь продукт понимания не просто воспроизводится, а создается. Я не хочу сказать, что нет ничего неправильного, что все правильно или что все относительно. В конечном счете это в чем-то справедливо. Нет, существуют взгляды полностью и бесповоротно ошибочные, но их специфическая особенность именно в том и состоит, что они отвергают смысл и вызывают к силе. Именно страх перед силой – могущественной, непонятной, земной или неземной – заставляет принять тот или иной смысл.

Для того чтобы удержаться в жизни, человеку необходима система координат, жизненных ориентиров, ценностных ориентацией. Нет ни одной культуры, которая могла бы обойтись без системы ценностных ориентаций или координат. Есть она и у каждого индивида. Необходима цель, которая указывает, куда идти.

Как считает Э. Фромм [27], в соответствии со своими экзистенциальными потребностями человек имеет две реальные возможности: либо остановиться в своем развитии и превратиться в порочное существо, либо полностью развернуть свои способности и превратиться в творца. А какая из этих возможностей станет действительностью – это во многом зависит от того, есть ли в обществе условия для роста и развития индивида или нет. Наивно так предполагать. А где тогда естество, натура человека, его сущность, его задатки? Было бы так, как считает Э. Фромм, то тогда вся элита общества превратилась бы в творцов. Но этого нет и быть не может.

Все вышеизложенное подводит нас к мысли, что природа человека неоднородна. Эволюция живой природы подготовила феномен человека, и она сама включилась в процесс развития собственно человеческой жизни. В самой эволюции человека нет ничего случайного. Основа основ любой эволюции, в том числе и человека, – скрещивание особей, – происходит избирательно – начиная от внешней привлекательности, физического и психического здоровья, уровня интеллектуального развития, кончая влиянием элементов культуры. Современный человек не всегда был таким, какой он есть сегодня, – это конечный результат длинной эволюционной цепочки. Опираясь на древние ископаемые останки, достижения палеогенетики, современная антропология сформировала сегодня достаточно обоснованное и понятное представление о происхождении человека. Человек родового и родового строя в процессе своей социализации оставался преимущественно коллективным существом во всех сферах своей жизни и деятельности. Именно в этот период – самый длительный и самый сложный в эволюции человека современного типа – происходили формирование и развитие всех биологических, психологических архетипов, формировались прототипы социального поведения человека. Это обеспечивало ему выживание в столкновениях могучих природных сил. К концу родового строя и в период его распада стала проявляться индивидуализация человека, то есть его выделение из стада как отдельного субъекта. Дальнейшая социализация человека первобытного стада изменила соотношение естественно-биологического и социального начал. Человек не только как разумное, но и как креативное существо развивал и обновлял не только среду, но и самого себя, свою жизнь. Важным результатом этого процесса была гуманизация психических процессов, формирование перехода от символического первобытного мышления к абстракции, в частности, в сфере социального.

Но, как справедливо отмечают В. Н. Кудрявцев и соавт. [28], социальное познание – познание заинтересованное и пристрастное. Оно особенно отчетливо начинает проявляться с возникновением в обществе (уже в период разложения родового строя) социальных противоречий, антагонистических интересов, приводящих к расслоению и дифференциации общества и возникновению институтов подавления.

Социальные исследования современных первобытных народов показывают, что человек генетически не является носителем командно-подчиненной психологии. Это жизнь сделала его таким, какой он есть сегодня: командно-административная психология является следствием приспособления человека к социальной системе. Социальный генез этого подтверждается эгалитарным (уравнительным) характером первобытного общества (так называемый первобытный коммунизм). Система социальной регуляции однозначно ориентировала людей на общие представления о должном и запрещенном и отвергала отрыв и отклонение индивидуального от коллективного. Опасные и

антиобщественные формы поведения членов общества регулировались этикетом и обычаями. Все члены группы отстранялись от виновника, конфликт улаживался старшим родственником соперников, устраивались спортивные, певческие и другие состязания. Существенную роль в этом играли многообразные табу в отношении многих сфер жизни. На самых ранних этапах социализации человека запрещались каннибализм, инцест, убийства членов клана и племени, затем вводились бытовые, семейно-брачные и половые запреты. Но уже сам факт «борьбы» с подобными явлениями говорит о том, что они имели место изначально, то есть это явления имманентные человеческому роду. Более того, многие формы социального поведения (но не все) сохранились до наших дней у некоторых первобытных племен Африки и Амазонии.

Хотя официальная наука и считает, что доисторические люди жили в условиях первобытного коммунистического общества отдельными родами, занимались охотой, собирательством, проявляя минимальную деструктивность в своей повседневной деятельности и максимум готовности к сотрудничеству и справедливому распределению продуктов питания, все же современные антропологические исследования племен, живущих на уровне первобытных, вовсе не подтверждают это. Принято считать, что с постепенной дифференциацией жизнедеятельности первобытного человека, с разделением труда, с ростом производства и образованием излишков продуктов производства, с возникновением иерархической системы и элитарных групп появляются жестокость и деструктивность. Но, с нашей точки зрения, они не появляются в связи с вышеперечисленным, а агрессивность, позволившая человеку наряду с прямохождением, специализацией руки и формированием речи выжить среди животных, «сменила» свой вектор от естественной биологической среды к социальной, человеческой.

Уже был один Вавилон, и причиной тому были фальшь и ложь как результат социализации человека. Жизнь показала, что есть Истина, что есть Ложь; что от нашего самого благого желания, а что есть диктат реальности. Но как требовать от человека правды? От какого человека? Правдивого или лжеца? От этого «мелкого, незначительного, неопределенного существа, который даже человеком не стал, лишь прологом к человеку (властелину природы), промежуточным созданием (между Богом и животными)» [29]. Желание и реальность, ложь и истина постоянно находятся в противоречии, вызывая конфликт на всех уровнях жизнедеятельности. Но всякий конфликт работает на достижение цели, всякое противоречие и столкновение разнонаправленных тенденций или сил является источником всякого развития [30]. Может, это звучит банально, но человек – это загадка. Он обречен на развитие. И это развитие неизбежно. Этот закон действует как в истории человечества, так и в истории отдельного человека. Чтобы не повторить еще один Вавилон, человек должен освободиться из плена иллюзий и условностей, которые он сам себе создал. Социализация человека оторвала его от его природных корней, нарушила естественный, непрерывный ход его развития, лишила необходимого контекста бытия, где природа и общество – полноправные и взаимосвязанные учителя [31].

Как известно, онтогенез практически повторяет динамику особи в ее филогенезе. Ребенок только начало, ребенок не существует, ребенок – это введение, исходная точка [32]. Новорожденный обладает зачатками психики в самой примитивной степени. Так же, как первый человек был минимально социализирован. Младенец с самого начала является социальным существом, потому что он биологически практически незрел, беспомощен и вся его жизнь опосредована взрослыми и включена в социальную ситуацию. При переходе к более высоким стадиям развития психики господствуют только культурные, социальные законы, они затем становятся всеобщими.

Динамический системный подход, развиваемый в последние десятилетия некоторыми исследователями [33–35], позволяет представить эволюцию человека в аспекте его психического развития, которое представляется как непрерывный и взаимообусловленный процесс самоорганизации. Как отмечает Е. А. Сергиенко [36], теория динамических систем основывается на положении о том, что поведение и его развитие есть результат функционирования сложных систем, которые включают психологические, биологические и физиологические компоненты. Это настолько сложная система, что говорить о простых причинно-следственных взаимоотношениях представляется просто наивным: взаимоотношения здесь нелинейного характера. Развитие и становление человека (в данном случае его психики) происходит путем сложного взаимодействия компонентов динамической системы. Невозможна редукция к одному или нескольким элементам, структуре или причине. Ключевой характеристикой динамической системы становится самоорганизация, которая достигается благодаря ее собственному функционированию. При непрерывном изменении в одном или нескольких параметрах новое состояние может появиться спонтанно как функция нелинейного взаимодействия между компонентами системы. Например, развитие, которое кажется дискретным или неупорядоченным на уровне исполнения, происходит на основе процессов, которые сами по себе непрерывны и упорядочены (появление речи, прямохождение) и типизированы нелинейными динамическими системами. Здесь уместны, с нашей точки зрения, онто- и филогенетические сравнения. Так, насколько не сразу ребенок начинает ходить и говорить, что является следствием накопления нарастающих изменений на первом году жизни ребенка и результирования на втором году (что воспринимается как скачок в развитии), настолько и человек (его психика) стал ходить и мыслить в результате ряда нарастающих изменений в предшествующий период. Малые изменения в параметрах динамической системы могут быть причиной больших изменений. Так и минимальные индивидуальные различия индивида или его окружения могут направить разных детей разными маршрутами, которые могут привести или не привести к тем же конечным результатам. Динамическая модель позволяет исследовать одновременные изменения и влияния мультиуровневой причинности (гены, созревание, опыт). Так категоризация может быть представлена как интеграция множества путей, по которым восприятие, знание и речь взаимодействуют с возрастом, порождая концептуальное понимание.

При данном подходе важной задачей становится выявление тех факторов, которые стабилизируют функционирование системы и, напротив, приводят ее к нестабильному состоянию. Нестабильные состояния указывают на возможность перехода системы на другой уровень функционирования.

Развитие речи у ребенка (переход от довербального уровня к вербальному) есть результат постепенного накопления возможностей и достижений ребенка. Континуальность и непрерывность развития в эволюции и онтогенезе человека позволяет представить мир взаимосвязанным и единым. В этом мире человек говорящий, как отмечает Е. А. Сергиенко [37], продукт и эволюции, и собственного развития на довербальном уровне.

Ссылки на источники

1. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. П. С. Гуревич. – М.: Аст, Хранитель, Мидгард, 2007. – 624 с.
3. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 272 с.

4. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Психоанализ детских неврозов: сборник. – М.: АСТ, 2009. – С. 147–280.
5. Фромм Э. Указ. соч.
6. Лоренц К. Указ. соч.
7. Там же.
8. Ганичев В. Когда встречаются вера и знания // Чудеса и приключения. – 1998. – № 10. – С. 6–10.
9. Лурье С. Я. Демокрит. – Л.: Ленингр. отделение издательства «Наука», 1970. – 664 с.
10. Езник Кохбацци. Книга опровержений (О добре и зле) / пер., предисл. и прим. В. К. Чалояна. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. – 174 с.
11. Столяров А. А. Философия Фомы Аквинского // История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – С. 367–371.
12. Субботин А. Л. Фрэнсис Бэкон. – М.: Мысль, 1974. – 175 с.
13. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческис. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.
14. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения: в 3 т. Т. 1 / под ред. И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1985. – 623 с.
15. Монтескье Ш. Л. О духе законов // Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 160–573.
16. Руссо Ж. Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства // Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. – М., 1998. – С. 109–110, 118, 122.
17. Гельвеций К. О человеке [V, III] // Соч.: в 2 т. Т. 2. – М., 1974. – С. 265.
18. Дидро Д. Принципы нравственной философии, или Опыт о достоинстве и добродетели, написанный милордом Ш*** // Дидро Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. – М., 1986. – С. 58–162.
19. Руссо Ж. Ж. Указ. соч.
20. Гельвеций К. Указ. соч.
21. Антология мировой философии / ред. кол.: Н. С. Нарский. – Т. 3. – М.: Мысль, 1971. – 760 с.
22. Дидро Д. Мысли к истолкованию природы // Дидро Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. – С. 377–378.
23. Simpson G. G. The major features of evolution. – Columbia Univ. Press., N. Y., 1953. – 434 p.
24. Simpson G. G. The species concept // Evolution. – 1951. – № 5. – P. 285–298.
25. Льюис К. С. Страдание // Этическая мысль: научно-публицистические чтения / общ. ред. А. А. Гусейнова. – М.: Республика, 1992. – С. 375–438.
26. Франкл В. Указ. соч.
27. Фромм Э. Указ. соч.
28. Кудрявцев В. Н., Кудрявцев Ю. В., Нерсисянц В. С. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Юрид. лит., 1984. – 320 с.
29. Гомбрович В. Порнография / пер. и предисл. С. Макарецва. – М.: Радуга, 1994. – 173 с.
30. Бородин Ф. М., Коряк Н. М. Внимание – конфликт. – Новосибирск: Наука; Сиб. отделение, 1989. – 190 с.
31. Сергиенко Е. А. Проблемы психического развития: Некоторые дискуссионные вопросы и пути их решения // Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 1. – С. 79–86.
32. Гомбрович В. Указ. соч.
33. Thelen E., Bates E. Connectionism and dynamic systems: are they really different? // Developmental Science. – 2003. – № 6: 4. – P. 378–392.
34. Thelen E., Smith L. Dynamic systems theories// Theoretical models of human development. Handbook of child psychology. – N. Y.: Wiley, 1998. – Vol. 1. – P. 258–307.
35. Thelen E., Smith L. A. Dynamic systems approach to the development of cognition and action. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
36. Сергиенко Е. А. Когнитивная природа речевого «взрыва» // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2008. – № 1(1). – URL: <http://psystudy.ru>.
37. Там же.

Samvel Sukiasyan,

MD, PhD, DSc, Professor, Head of the Department of Mental Health Rehabilitation “Stress” Medical rehabilitation center “Artmed”; Head of the Department of Mental Health and Psychiatry of the Armenian Medical Institute; Professor of the Department of Applied Psychology and the Armenian State Pedagogical University after Abovyan (Yerevan, Armenia)

samsu57@yahoo.com

The essence and nature of man: the evolution of homo-sapiens

Abstract. The current study suggests historical and modern (including psychological, etiological, social and biological) approaches to the nature and essence of man. The aim of current review is the development of

methodological principles and creation of theoretical background concepts of the origin of psyche. All the concepts mentioned above will be presented in the subsequent articles. An overview of the most important approaches, both modern and historical, as well as, analysis of instinktivizm, behavioral, biosocial theories of human nature are presented. The idea of nonhomogeneous human nature is developed. Evolution of nature created phenomenon of man and involved itself in the development of human life. Dynamic systematic approach allows to present the evolution of man in aspect of his mental development. It appears as continuous interdependent process of self-organization. It is suggested that behavior and development of human being is the result functioning of complex systems, which include psychological, biological and physiological components, in which non-linear relationship is operated. Modern man – is final result of a long, inhomogeneous evolutionary chain.

Keywords: human nature, biosocial human nature, instinktivizm, behaviorism, aggressive behavior, philosophical ideas about human nature, mythological ideas about human nature, a systematic approach to human nature, antique approach, medieval approach.

References

1. Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskah smysla: sb. / per. s angl. i nem.* D. A. Leont'eva, M. P. Papusha, E. V. Jejdmana, Progress, Moscow, 368 p. (in Russian).
2. Fromm, Je. (2007). *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti / per. P. S. Gurevich, Ast, Hranitel', Midgard, Moscow, 624 p. (in Russian).*
3. Lorenc, K. (1994). *Agressija (tak nazyvaemoe "zlo") / per. s nem., Izd. gruppa "Progress", "Univers", Moscow, 272 p. (in Russian).*
4. Frejd, Z. (2009). "Tri ocherka po teorii seksual'nosti", *Psihoanaliz detskih nevrozov: sbornik*, AST, Moscow, pp. 147–280 (in Russian).
5. Fromm, Je. (2007). Op. cit.
6. Lorenc, K. (1994). Op. cit.
7. Ibid.
8. Ganichev, V. (1998). "Kogda vstrechajutsja vera i znaniya", *Chudesa i prikljuchenija*, № 10, pp. 6–10 (in Russian).
9. Lur'e S. Ja. (1970). *Demokrit*, Leningr. otdelenie izdatel'stva "Nauka", Leningrad, 664 p. (in Russian).
10. Eznik Kohbaci (1968). *Kniga oproverzhenij (O dobre i zle) / per., predisl. i prim. V. K. Chalojana, Izd-vo AN Armjanskoj SSR, Erevan, 174 p. (in Russian).*
11. Stoljarov, A. A. (1995). "Filosofija Fomy Akvinskogo", *Istorija filosofii. Zapad-Rossija-Vostok. Kniga pervaja. Filosofija drevnosti i srednevekov'ja*, Greko-latinskij kabinet, Moscow, pp. 367–371 (in Russian).
12. Subbotin, A. L. (1974). *Frjensis Bjekon, Mysl', Moscow, 175 p. (in Russian).*
13. Gobbs, T. (1936). *Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo / pre-disl. i red. A. Cheskis, Socjkgiz, Moscow, 503 p. (in Russian).*
14. Lokk, Dzh. (1985) "Opyt o chelovecheskom razumenii", in Narskij, I. S. (ed.) *Sochinenija: v 3 t. T. 1, Mysl', Moscow, 623 p. (in Russian).*
15. Monteske, Sh. L. (1955). "O duhe zakonov", *Izbrannye proizvedenija*, Gospolitizdat, Moscow, pp. 160–573 (in Russian).
16. Russo, Zh. Zh. (1998). "Rassuzhdenie o proishozhdenii i osnovanijah neravenstva", in Russo Zh. Zh. *Ob obshhestvennom dogovore*, Moscow, pp. 109–110, 118, 122 (in Russian).
17. Gel'vecij, K. (1974). "O cheloveke [V, III]", *Soch.: v 2 t. T. 2, Moscow, p. 265 (in Russian).*
18. Didro, D. (1986). "Principy npravstvennoj filosofii, ili Opyt o dostoinstve i dobrodeteli, napisannyj milordom Sh***", in Didro, D. *Soch.: v 2 t. T. 1, Moscow, pp. 58–162 (in Russian).*
19. Russo, Zh. Zh. (1998). Op. cit.
20. Gel'vecij, K. (1974). Op. cit.
21. Narskij, N. S. (ed.) (1971). *Antologija mirovoj filosofii, T. 3, Mysl', Moscow, 760 p. (in Russian).*
22. Didro, D. (1986). *Mysli k istolkovaniju prirody*, in Didro, D. *Soch.: v 2 t. T. 1, pp. 377–378 (in Russian).*
23. Simpson, G. G. (1953). *The major features of evolution*, Columbia Univ. Press., N. Y., 434 p. (in Russian).
24. Simpson, G. G. (1951). "The species concept", *Evolution*, № 5, pp. 285–298 (in Russian).
25. L'juis, K. S. (1992). "Stradanie", in Gusejnov, A. A. (ed.) *Jeticheskaja mysl': nauchno-publicisticheskie chtenija*, Respublika, Moscow, pp. 375–438 (in Russian).
26. Frankl, V. (1990). Op. cit.
27. Fromm, Je. (2007). Op. cit.
28. Kudrjavcev, V. N., Kudrjavcev, Ju. V. & Nersesjanc, V. S. (1984). *Social'nye otklonenija. Vvedenie v obshhuju teoriju*, Jurid. lit., Moscow, 320 p. (in Russian). Gombrovich, V. (1994). *Pornografija / per. i pre-disl. S. Makarceva, Raduga, Moscow, 173 p. (in Russian).*
29. Borodkin, F. M. & Korjak, N. M. (1989). *Vnimanie – konflikt*, Nauka; Sib. otdelenie, Novosibirsk, 190 p. (in Russian).

30. Sergienko, E. A. (1990). "Problemy psicheskogo razvitiya: Nekotorye diskussionnye voprosy i puti ih resheniya", *Psihologicheskij zhurnal*, t. 11, № 1, pp. 79–86 (in Russian).
31. Gombrovich, V. (1994). Op. cit.
32. Thelen, E. & Bates, E. (2003). "Connectionism and dynamic systems: are they really different?", *Developmental Science*, № 6: 4, pp. 378–392 (in English).
33. Thelen, E. & Smith, L. (1998). "Dynamic systems theories", *Theoretical models of human development. Handbook of child psychology*, Wiley, N. Y., vol. 1, pp. 258–307 (in English).
34. Thelen, E. & Smith, L. A. (1994). *Dynamic systems approach to the development of cognition and action*, Cambridge, MA: MIT Press (in English).
35. Sergienko, E. A. (2008) "Kognitivnaja priroda rechevogo 'vzryva'", *Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn.*, № 1(1). Available at: <http://psystudy.ru> (in Russian).
36. Ibid.

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г. Н., доктором педагогических наук,
 членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

www.e-koncept.ru

Поступила в редакцию <i>Received</i>	19.10.15	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	21.10.15
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	21.10.15	Опубликована <i>Published</i>	22.11.15

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015

© Сукиасян С. Г., 2015